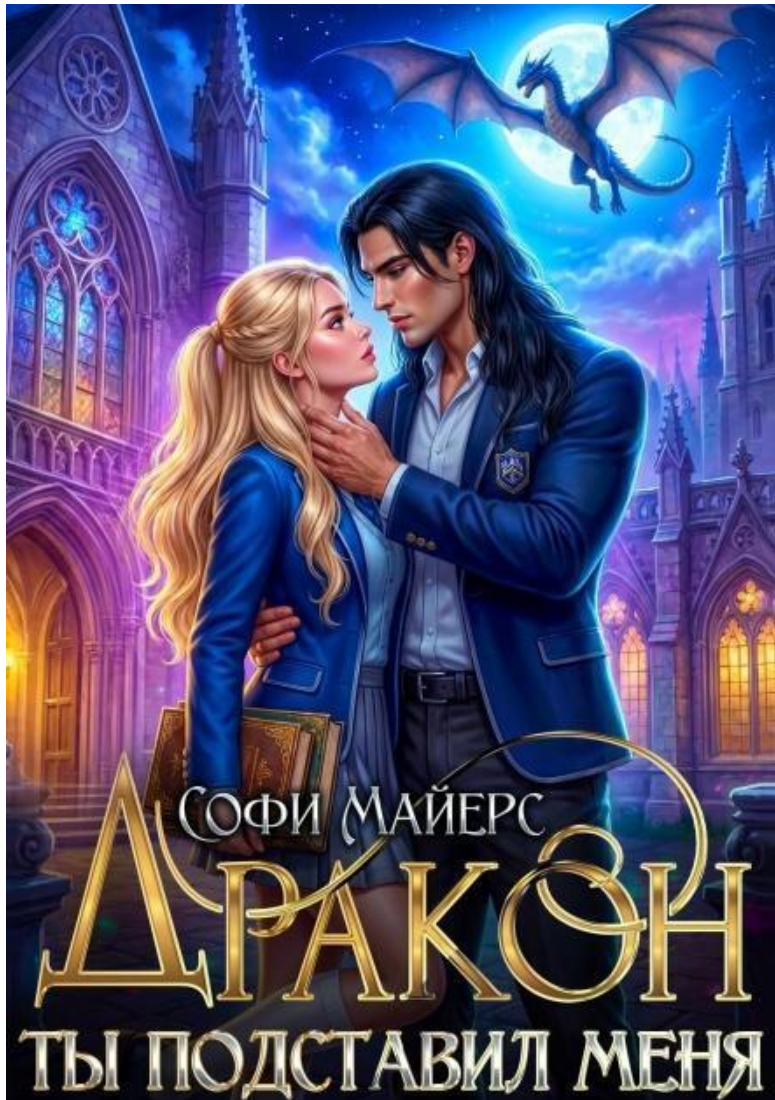

СОФИ МАЙЕРС

ДРАКОН

ТЫ ПОДСТАВИЛ МЕНЯ

Софи Майерс

Ты подставил меня, Дракон!

<https://litres.ru/74213513>

Аннотация

Умерла и попала в тело опозоренной студентки Академии боевых драконов.

Теперь у меня в «багаже» уничтоженная репутация, толпа насмешников и король академии во врагах.

Именно он подставил Альву, вынудив её на безумный поступок.

Но он не учёл одного: в теле кроткой девушки теперь живёт та, кто не прощает ударов в спину.

Берегись, «ваше величество».

Я найду твою слабость.

График выкладки продолжений: вт, чт и сб.

Содержание

Глава 1. Бедная Альва	4
Глава 2. Бах...	8
Глава 3. Кассиан Вейлор	14
Глава 4. Альва Ренар	15
Глава 5. Что ему надо?	16
Глава 6. Кассиан не умеет просить прощения	20
Глава 7. "Подружки"	25
Глава 8. Новая я	30
Глава 9. Выписка. Ура? Нет	35
Глава 10. Выбор	39
Глава 11. Нетакуюся	45
Глава 12. Конкурс	51
Глава 13. Полёты строим	57
Глава 14. Элиот	63
Глава 15. Причина	69
Глава 16. Видимость	77
Глава 17. Любопытная	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Бедная Альва

— А теперь ты медленно расстёгиваешь блузку.

Тишина в моей голове была густой, как смола. Не моя тишина — чужая. Навязанная. Она настигла меня на каменной лестнице, ведущей в женское общежитие, и теперь заполнила всё, вытеснив даже трепет страха. Сознание превратилось в вату, сквозь которую лишь изредка пробивались острые щепки «я».

Ноги двигались сами, подчиняясь холодной, неумолимой воле, вплетённой в мой разум, чужой воле...страшной, которая вела меня на балкон третьего этажа.

Каждый шаг отдавался глухим эхом где-то очень далеко. Я вышла на крошечную площадку балкона и посмотрела вниз. Мне позволили.

А там... на внутреннем дворе Академии Боевых Драконов, собрались кадеты. Низкий, многоголосый, живой гул и сотни пар глаз, обращённых наверх.

И прямо под балконом в центре этого моря, стоял ОН.

Моя любовь. Кассиан Вейлор. Кадет пятого курса, бесспорный король академии. Бог и демон моих тайных мыслей.

Его чёрные волосы, по которым я мысленно проводила пальцами в самых смелых фантазиях, сегодня слегка растрепал ветер. Он смотрел вверх. Не отрываясь. И в его взгляде не было ни злобы, ни торжества. Лишь леденящая, отрешён-

ная бездушность. Тот самый взгляд, который я так жаждала увидеть смягчённым, обращённым на меня с чем-то, кроме презрения или безразличия.

И он смотрел. Рада, идиотка?

Его голос прокатился по двору, обрушивая на меня чёткий приказ:

— С чувством Альва и желательно, — он демонстративно задумался, — напевай какую-нибудь мелодию. Видишь, нам так скучно!

Не надо. Пожалуйста, не надо, — билось жалкое, крошечное «я» внутри, но голос его не долетал даже до меня самóй.

Вечерний воздух, свежий и колкий, холодил лицо.

Внушение внутри меня ожило, стало острее, пронзительнее. Моя рука — нет, *не моя, чужая* — поднялась к горлу. Пальцы нашли верхнюю пуговицу блузки. Маленькую, перламутровую.

Остановись. Остановись сейчас же.

Но пальцы работали, а связки уже издавали какие-то звуки, вроде это было похоже на песню.

Пуговица выскользнула из петлицы с тихим щелчком, который мне послышался громом. Потом вторая. Третья. Каждое движение было мучительно медленным, театральным.

— Кас, нам ничего не слышно! Пусть поёт громче! — донёсся с другого края площади чей-то нарочито громкий голос.

Над толпой прокатилась волна смешков. А Кассиан, лишь слегка скривил губы, полуулыбка, которой он когда-то одарил другую, а я тогда тайно умерла от зависти и ревности.

Теперь эта полуулыбка была обращена ко мне, к моему унижению.

Холодный воздух коснулся кожи на груди, когда блузка растянулась. Я стянула её с плеч, и лёгкая ткань с вышивкой упала к моим ногам бесформенной кучей. Мне хотелось прикрыть мой простенький бюстгальтер ладонями, но внушение вело мои руки к замку юбки.

Я попыталась закрыть глаза. Не вышло. Кассиан забрал и эту малость контроля. Я обязана была видеть. Видеть эти сотни лиц внизу. Видеть, как на некоторых застывает брезгливая гримаса, как другие смотрят с плотоядным интересом, а третьи — с холодным вниманием, будто наблюдают за интересным экспериментом по ломке воли.

Сборище богатеньких детишек, которые сегодня решили поиграть с бедной сиротой, своим умом добившейся поступления в такое престижное высшее заведение.

И во главе этого стада — он! Тот, ради кого я здесь. Тот, чей портрет я хранила под подушкой.

Сознание билось в путах внушения, и я ничего не могла сделать. Даже заплакать не могла.

Вжихнула молния, и юбка поползла по моим ногам.

Новый взрыв хохота, а потом...

Я стояла в нижнем белье, дрожа от холода и унижения, ко-

торое жгло изнутри жарче любого пламени. Стояла и смотрела в обсидиановые глаза, похожие на два омуты.

И тут случилось самое страшное. Внушение... *изменилось*.

Удары пульса по вискам заглушили голоса внизу, но я отчётливо слышала.

— Шагни вниз...

Я резко шагнула вперёд, к резной балюстраде балкона, перекинула ногу через неё.

— Стой! — его голос, на этот раз без усиления, резко, почти отчаянно взметнулся вверх, теряя всю ледяную бесстрастность. — Дура!

Я соскользнула вниз так легко, будто только и делала, что прыгала с балконов.

Мгновение и удар о каменные плиты вышиб воздух из моей груди, и наступила темнота.

Дорогие, у меня стартовала новинка "Отвергнутая невеста для генерала дракона"

<https://litnet.com/shrt/XC6m>

Буду рада каждому из вас!

Глава 2. Бах...

— Девочка чудом выжила. Но, возможно, она так и останется калекой на костылях.

Приятный женский голос. Первое, что я слышу в этой липкой, сковывающей темноте, где я барахтаюсь, как муха в паутине.

Честно? Я думала, что умерла. Тот внедорожник вынырнул из-за поворота так неожиданно, а я, дура, поскользнулась на первом же гололёде сезона.

Как там в кино?

Перед смертью – картинки из жизни, белый тоннель, свет в конце...
 Фигушки! Просто **БАХ** – и всё. Абсолютная и беспросветная темнота.

— Вы запросили характеристику в сиротском приюте?

Новый голос. Мужской. Бархатный, глубокий, но в нём сквозит сталь.

— Этим занимается канцелярия. — голос женщины на миг замолкает, а потом вдруг взвывается вверх. — Нужно призвать к ответственности отца Кассиана! Как это вообще могло произойти у нас на глазах? Во внутреннем дворе академии! Миссис Реже сказала, что канцелярию забросали письмами. Родители беспокоятся.

Я замираю, затаив дыхание. Как-то странно они называют детский дом, из которого я выпустилась пару лет назад. И

кто такой Кассиан? Водятел того внедорожника? Академия? Та-а-ак...надо открыть глаза...не нравится мне это...

— Призвать? Первого советника короля?! Вы с ума сошли, Авена? Мне моё место дорого! Пусть уж лучше она калевой останется. Оклемается – отправим в дом призрения для душевнобольных. Тише воды, ниже травы.

— Но как же? — голос женщины вздрагивает.

— А вот так! Девочка помешалась на своей любви и решилась свести счёты с жизнью! На письма мы так и отвечаем.

Кровь стучит в висках так громко, что я боюсь, они это услышат. Сердце сжимается ледяным комом.

Куда я попала? И почему они хотят отправить...меня в психушку?

Тьма вокруг меня начинает пульсировать, сжиматься. Ад-реналин, горький и острый, пробивает оцепенение.

Так! Это уже слишком! Резко открываю глаза.

И тут же жалею. Комната плывёт и закручивается в карусель, силуэты у кровати двоятся, расплываются. В голове вспыхивает боль, настолько резкая и противная, что на глазах наворачиваются слёзы.

— Драконьи боги! Очнулась!

Холодные, тонкие пальцы ложатся мне на запястье, щупают пульс.

Я моргаю, пытаюсь поймать фокус. Наконец, мир встаёт на место, и меня перестаёт мутить, но вместе с этим в животе туго сжимается страх...

Мама дорогая... Где я?

Белые стены, высокие потолки с лепниной, странные приборы, тихо щёлкающие на тумбочке. Это... это же не больница.

Как-то в приюте нам показывали фильм про мальчика, который выжил и... то место, в котором я очнулась похоже на тот госпиталь, где этому, как его, кости выращивали.

Паника, горячая и безрассудная, поднимается комом в горле. Я пытаюсь дёрнуться, сесть – и понимаю. Ноги... они не слушаются. Совсем. Тяжёлые, чужеродные, как гипсовые болванки.

— Тише, тише, детка, — ласково, но твёрдо говорит женщина в нежно-голубом платье и белоснежном чепчике. Она склоняется ко мне, и я вижу в её глазах смесь жалости и профессиональной отстранённости. — Альва. Ты что-нибудь помнишь?

К-к-то? Альва? Я Катя! Катя Смирнова! Мне двадцать один год и я живу в провинциальном городе в России. Меня сбил автомобиль и, кажется...

Тело перестаёт бороться, я обмякаю на подушке. А я ведь так любила книги про попаданок. Неужели? Неужели я умерла и попала сюда?

Переводу взгляд на Авену и хмурюсь, она ждёт ответа.

А что я, собственно, **должна** помнить?

И в этот миг на меня обрушивается **волна**.

Не воспоминания – целая чужая жизнь, насильно влитая

в моё сознание.

Альва Ренар.

Двадцать один год.

Факультет бытовой магии (бытовой?).

Академия Боевых Драконов «Искони».

Сирота.

А ещё – предательство, насмешки, и та леденящая душу сцена на балконе...

Я буквально задыхаюсь от нахлынувших чувств: жгучего стыда, беспомощной ярости и всепоглощающего страха, который принадлежит не мне, а ей.

Нет. Она не сошла с ума от любви, её заставили спрыгнуть с высоты третьего этажа!

— Дайте ей уже успокоительный отвар, её трясёт как в лихорадке! — раздаётся брезгливый, нетерпеливый голос.

Я перевожу взгляд на мужчину у окна. Высокий, сутулый, с лицом, на котором вечное недовольство высекло глубокие морщины.

Моя новая память мгновенно выдаёт досье: **Гораций Виатор. Ректор Академии. Генерал в отставке. Дракон.**

В его холодных глазах я читаю только одно: досадную проблему, которую нужно поскорее убрать с глаз долой.

Я не отвожу взгляда. Заставляю себя дышать ровно. Ректор, поймав мой взгляд, фыркает и отворачивается, словно я грязь, которую нужно переступить.

— Скажите, когда она сможет перенести дорогу, — обра-

щается он к лекарке, словно меня уже нет в комнате. — Ваше «обучение» в Академии завершено, мисс Ренар. Как только вы окрепнете, вас определяют в дом призрения для душевнобольных.

Лекарка замирает с широко открытыми глазами, потом смотрит на меня с немым вопросом и ужасом.

Я сомневаюсь лишь секунду. Даже если это не правда, а бред угасающего сознания, то мне нечего бояться. Наша воспитательница всегда говорила, что лучше попробовать, чем нет. Потому открываю рот, и голос звучит хрипло, но твёрдо, к моему собственному удивлению:

— Ректор Виатор.

Он медленно поворачивается, будто услышал, как заговорила мебель.

— Я могу быть сиротой, — продолжаю я, давя на каждое слово, — но я не дура. Академия заключает с каждым кадетом магический контракт. Вы не можете отчислить меня единоличным решением. Только Совет. И я очень сомневаюсь, — я делаю паузу, ловя его нарастающий гнев, — что Совету понравится **полная** версия истории моего... несчастного случая. Особенно если в ней всплывёт имя **Кассиана Вейлора**.

Имя действует как удар хлыста. Ректор бледнеет, его ноздри раздуваются. Воцарившаяся тишина густая, и ядовитая.

Пф, выбила же я сразу после детского дома квартиру у государства, а ты, старый ящер, думаешь, я тебя испугаюсь?

Не сказав больше ни слова, ректор разворачивается и выходит, громко хлопнув дверью. Звук отдаётся в моих неподвижных ногах тупой болью.

Лекарка выдыхает, будто только сейчас вспомнила, как дышать.

— Вы очень... смелая девушка, — говорит она, и в её голосе слышен неподдельный испуг. — Странно, что про вас говорили совсем иное. Но бросать вызов ректору... это крайне, крайне опрометчиво. Вам нужен покой. Вам потребуются силы. В-ва-ше восстановление займёт время.

На этой тоскливой ноте лекарка уходит, а я закрываю глаза, пытаюсь осмыслить этот безумный калейдоскоп: два мира, две жизни, одно беспомощное тело. Мне нужна передышка. Хотя бы минута тишины. Разложить по полочкам, обдумать, поверить наконец, что это правда, а не бред.

Но передышки мне не дают.

Потому что...

Глава 3. Кассиан Вейлор

Дорогие читатели, по традиции я подготовила для вас визуалы главных героев моего нового романа про Академию Боевых Драконов «Искони», итак, встречайте Кассиан Вейлор

Возраст: 25 лет

Раса: Дракон

Вид дракона: водный с магией замораживания

Умен, красив, уверен в себе. И еще...сказочно богат. Не без тайн, которые мы с вами будем узнавать.

Листаем дальше...

Глава 4. Альва Ренар

А вот и красавица Альва Ренар в тело которой попала наша Катюша

Возраст: 21 год

Раса: Человек

Альва сирота, поступила в академию “Искони” на бытовой факультет в надежде быть ближе к своему кумиру.

Близость оказалась смертельна...

Я намеренно мало дала информации по внешности, чтобы вы нарисовали их у себя в голове просто по ощущениям.

Напишите в комментариях, насколько совпало ваше видение с моим?

А так же скажите интересно вам увидеть, как выглядела Катя?

**
**

Глава 5. Что ему надо?

Скрипучая дверь в госпиталь приоткрывается, и в щель заглядывает вихрастая голова паренька. При виде меня он нервно облизывает губы, и его маленькие водянистые глазки бегают туда-сюда.

Он исчезает, и дверь распахивается настежь, словно перед королевской особой.

Я поднимаю глаза к сводчатому потолку и глубоко вдыхаю. Тяжёлые, размеренные шаги приближаются и замирают у моей кровати.

Ага, значит, ко мне!

Перевожу взгляд на вошедшего — и горло мгновенно скывает ледяной ком. Чёрный росчерк бровей. Обсидиановые, магнетические глаза. Безупречный до последней ниточки в своей дорогушей форме. И такой... козёл!

Кассиан стоит рядом, и на его лице — чистейшая, неразбавленная брезгливость. Я отвечаю ему тем же, смотрю исподлобья. Будь моя воля, я бы расцарапала эту холеную рожу ногтями. Но я прикована к кровати. Беспомощна.

Его свита — два здоровенных парня — замерла у дверей, как сторожащие истуканы.

— Зачем пришёл? — выдыхаю я, и звучит это недовольно и слабо.

Его безупречные губы изгибаются в ту самую, знакомую

до боли, полуулыбку.

Он не отвечает сразу. Его взгляд — холодный, оценивающий, бездушный — медленно скользит по мне: забинтованные руки, неподвижные ноги под одеялом, моё лицо, наверняка бледное, в синяках. Он изучает последствия. И в его глазах нет ни капли раскаяния. Только та самая ледяная отрёшённость, что была на площади.

— Мне сказали, что ты умерла, — произносит он наконец, тихо, так, что слышу только я.

Слова падают, как капли ледяной воды на обнажённую кожу. По моей шее ползут предательские мурашки. Не от страха. От ненависти. Она закипает во мне, чёрная и густая.

— Говори как есть, — срывается с губ. Голос хриплый, но я держусь. — Пришёл убедиться, что никто не настучит твоему папочке?

Язвлю, прекрасно понимая, насколько беззащитна перед ним.

Его полуулыбка гаснет. Обсидиановые глаза сужаются до щёлочек, а на скулах проступает сверкающая серебристая чешуя. Он делает шаг ближе, нависая над кроватью. Его тень поглощает меня целиком. От него веет морозным воздухом и чем-то другим... первобытным, опасным.

Его рука медленно тянется ко мне. Пульс взвивается до небес, больно стуча в висках. Что ему сто́ит придушить меня сейчас? Вон какие ручищи...

Но Кассиан лишь прихватывает мою щеку большим и ука-

зательным пальцами, сжимая с унижительной небрежностью. Треплет, как глупого котёнка.

— Слушай сюда, сиротка, — его голос низок и спокоен, но каждое слово врезается, как нож. — Я знаю, что ректор хочет отправить тебя в дом призрения. Смирись с этим и убирайся из академии. Поверь, это — милосердие.

Я дёргаю головой, пытаюсь вырваться из его хватки.

Что такого совершила эта несчастная Альва, чтобы он так с ней расправился?

Его слова — не просто оскорбление. Это предупреждение. Чёткое и недвусмысленное. Та сцена на балконе была лишь цветочками. Ягодки ещё впереди.

— Убирайся, — выдавливаю я, глотая горький ком в горле. Смотрю ему прямо в глаза, в эти обсидиановые бездны.

Он не отводит взгляда. Идеальный хищник в своём идеальном мире. Высокомерие и безразличие застыли на его лице маской. Но я замечаю мельчайшие сдвиги: как напряглась его челюсть, как выступили желваки на скулах.

Смоляная бровь едва заметно приподнимается, и на миг во всей этой ледяной гармонии проступает что-то новое. Острое. Любопытство?

И тут меня обдаёт ледяным потом. Что я творю?!

Чёрт! Чёрт! Я совсем забылась!

Альва была нежной, кроткой, влюблённой в него до беспамятства.

А я... я разговариваю с наследником первого советника,

так, будто никогда не испытывала чувств. В принципе так и есть, но...

Кто знает, как относятся в этом мире к попаданкам?

Вдруг, как тех принцесс в прекрасных сказках, в конце сжигают на кострах.

Ух, посмеялась бы от своего чувства юмора, да что-то, наоборот, очень страшно.

Мне дали второй шанс. И я собираюсь профукать его в первую же минуту из-за своего характера?

Страх, острый и животный, на мгновение затмевает ненависть.

— Как знаешь, — пожимает он плечами с преувеличенным безразличием, но его взгляд ещё на секунду задерживается на мне, будто пытаюсь что-то понять. Потом он разворачивается и уходит не оглядываясь.

Его шаги удаляются. Свита бросает на меня последний оценивающий взгляд и скрывается за дверью, закрывая её за его идеально прямой спиной.

Я остаюсь одна. Лежу, смотрю в потолок и пытаюсь дышать. Ровно. Глубоко.

Я скоро встану. Обязательно. Потом я выясню, есть ли какая-то защита от внушения. Эти мысли уже не кажутся безумными. Они становятся целью.

А потом... потом я разберусь. И начну с него.

Глава 6. Кассиан не умеет просить прощения

Подумать только!

Наследника королевской линии Вейлор заставили извиняться перед какой-то серой мышкой из глубинки!

Всё из-за той невинной мести за её донос.

Ну да, мои ребята подглядывали в окна женской раздевалки — мелкая шалость, академическая традиция!

А она взяла и написала клязузу.

Ну я и решил её проучить — пусть знает, с кем связывается.

Кто же мог подумать, что эта дура бросится с балкона? Зачем? Чтобы меня подставить? Чтобы вызвать жалость?

Тронутая, очевидно.

И теперь я должен ползать перед ней?

Унижаться?

Декан Элрик был непреклонен: «Извинись, или твой отец узнает всё».

Фраза «узнает всё» прозвучала так, будто он вложил в неё лезвие.

А пока... меня лишили полётов. На целый месяц! Элрик хочет, чтобы я спал в небе, лишь бы успеть подготовиться к зачёту по строевому полёту.

Ведь если я провалю хоть один зачёт, меня выставят из академии. А для отчисленного сына Дракона участь одна, чтобы не позорить род, отец собственноручно вырвет мне крылья.

Я непроизвольно содрогаюсь, плечи напрягаются под воображаемой хваткой, когтями, которые уже проходят сквозь кожу, ломают кости и рвут мощные мышцы. Призрак этой боли живет любой реальности.

Пока мои шестёрки проверяют, пуста ли палата, я обдумываю, что буду говорить.

За двадцать пять лет я извинялся лишь раз — перед матерью.

А теперь должен это сделать перед ней?

Перед этой жалкой сиротой, которая даже говорить-то толком не умеет, лишь может охать и вздыхать.

Слова извинений — раскалённые угли на языке. Я стою у кровати и вижу её. Не девушку — сломанную куклу. Гипс, бинты, синяки под глазами цвета гнилой сливы. Она лежит неподвижно, лишь глаза горят в полутьме ледяным пламенем. Мои ногти впиваются в ладони до боли, а в глотке стоит медный, ядовитый привкус ярости.

— Зачем пришёл? — выдыхает она.

Голос хриплый, оборванный.

Губы сами собой растягиваются в привычной надменной улыбке.

Заговорила! Осматриваю Альву с ног до головы — и не

чувствую ничего. Ни капли вины.

Сама виновата. Сунулась не в своё дело, а когда получила по заслугам — решила сыграть в трагедию. Говорят, декан уже подумывает отправить её в дом призрения для умалишённых. Там ей и место. Может, мне даже не сто́ит извиняться? Скажу Элрику, что поговорил — и дело с концом.

От этой мысли на душе становится легче, почти тепло. Решаю снизить. Просто поговорить.

— Мне сказали, что ты умерла, — роняю я небрежно, делая шаг ближе.

— Говори, как есть, — срывается с её губ, звучит это как карканье раненой вороны. — Пришёл убедиться, что никто не наступит твоему папочке?

Всё. Тёплое чувство испаряется в один миг. Тихий, могучий Дракон внутри меня — мой вечный спутник и часть души — вздымается с рёвом. Я чувствую, как чешуйки змеятся по скулам, как когти удлиняются, упираясь в плоть ладоней. Превратиться здесь, сейчас, — нельзя. Я резко прикрываю глаза, вдыхая, выдыхая, загоняя ярость обратно в клетку.

Когда открываю их, она всё так же сверлит меня взглядом. Раньше эта девица икала от одного моего взгляда и заливалась краской.

А теперь... теперь в её глазах — холодная, нечеловеческая ненависть. Неужели падение мозга вправило? Или было вообще?

Я протягиваю руку. От неё так и веет холодом. Я дракон

водной стихии. Моё тактическое преимущество — лёд. Я мог бы одним прикосновением покрыть её инеем, остановить её дыхание, превратить в ледышку. Но вместо этого я сжимаю её бледную, исхудавшую щёку большим и указательным пальцем. Треплю, будто котёнка. Чувствую теплую, живую плоть.

— Слушай сюда, сиротка, — мой голос звучит мягко, почти ласково, и от этого ещё страшнее. — Я знаю, что ректор хочет отправить тебя в дом призрения. Смирись с этим и убирайся из академии. Поверь, это — милосердие с моей стороны.

Вот тебе моё извинение!

Она дёргает головой, пытаясь вырваться. Слабо, беспомощно. Но её глаза не отводят от моих.

— Убирайся, — выдавливает она. Не кричит. Не рыдает. Просто говорит. И в этих двух словах — такая стальная решимость, что я замираю.

Улыбка медленно сползает с моего лица. Интересно. Неожиданно. В этой сломанной девчонке, которая пахнет лекарствами и смертью, вдруг проглянуло что-то... настоящее. Что-то острое и опасное.

Монета в воздухе перевернулась.

Я отпускаю её щёку, медленно вытираю пальцы о свой безупречный мундир.

Дверь в палату закрывается за мной с тихим щелчком.

Я стою в пустом госпитальном коридоре, и странное, ще-

кочущее нервы предвкушение вытесняет злость.

Игра только началась.

И противник, похоже, наконец-то стоит моего внимания.
А значит, и извинения... придётся отложить.

Надо же будет как-то скрасить эти скучные, земные недели без полётов.

Глава 7. "Подружки"

Три дня в госпитале — и я уже, кажется, всем надоела. Вечно я спрашиваю: «Когда же я смогу встать?» Мой голос звучит в этих стенах, как заезженная пластинка. Даже миссис Абель перестала навещать — подсылает вместо себя лекарей-молчунов. Те приходят, щёлкают датчиками, слушают пыхтение аппаратов, бормочут что-то про «стабилизацию ауры» и подносят ко рту чашку с горьким, вязким отваром. От одного запаха сводит скулы.

Меня отгородили ширмой — для моего же покоя, говорят. Но я-то знаю правду: чтобы не мозолила глаза.

На третий день, в самый разгар обеденной тишины, за мою ширму неожиданно заглядывают гости. Нет, не гости — гостыи.

Первой появляется Анели, кадет лекарского дела, в такой же форме, какую носила я, но с белоснежным чепчиком на взъерошенных волосах. Она закусывает губу, и вдруг — порывисто, бросается обнимать.

— Боги! М-мы д-думали, — начинает она, слегка заикаясь, и её голос дрожит, — что ты умерла!

Горячие капли чужих слёз падают мне на грудь, на казённую холщовую рубаху. Приходится аккуратно взять её за плечи и отодвинуть от себя, чтобы не лежать потом мокрой от чужих слёз.

— Но я жива, — говорю я, и звучит это плоско, глухо, будто слова падают в вату. — Не плачь.

За её спиной, у самого края ширмы замерла Бридж. Темноволосая, тихая. Она мнёт край пиджака, глаза бегают по стенам, по полу, по моим ногам под одеялом — куда угодно, только не на меня.

Понимаю, вид у меня удручающий.

Зеркала здесь нет. И я не просила — во-первых, эти каменные лица вряд ли побегут его искать, а во-вторых... мне страшно. Смешно, правда? Надерзила ректору, схлестнулась с обидчиком, а теперь боюсь собственного отражения. Боюсь не увидеть в нём себя.

Анели и Бридж — мои соседки по общежитию. Повезло ли мне с ними? Сложный вопрос. Они... обычные. Болтают о стрижках и платьях, вздыхают по старшекурсникам и вполголоса мечтают о том же, о чём и всё здесь: поймать своего дракона. Произносят это слово с таким придыханием, что меня на секунду окутывает розовая, липкая, сладковатая дымка. Почти морщусь. Наивняк, что тут скажешь.

Но почему они пришли только сейчас? Через три дня?

Анели, наконец отлепившись от меня, вытирает щёки тыльной стороной ладони и смотрит на Бридж. Смотрит пристально, чуть округлив глаза — мол, говори же что-нибудь.

— Ты теперь... — голос Бридж тихий, прерывистый. Она кивает в сторону костылей, прислонённых к тумбочке. — Ты теперь на них будешь ходить?

— Пока да, — отвечаю я и стараюсь, чтобы в голосе звенела лёгкость, почти беззаботность. — Постараюсь не остаться калекой.

Лёгкость тонет в тяжёлом, густом молчании. Оно повисает между нами, как стена. Я не знаю, что им сказать. Они не знают, что делать с подругой, которая вдруг стала инвалидом. Я почти физически чувствую, как в их головах крутятся две мысли: «Она теперь обуза» и «Но мы же не можем её бросить».

— Вам, наверное, пора, — решаю за них. Голос звучит ровнее, чем я чувствую. — Судя по гулу со двора, перемена кончается.

За три дня я выучила не только расписание звонков. Я выучила тишину между ними.

Я их не знаю. И в женскую дружбу, в общем-то, не верю. Как говорится, «женская дружба — до первого парня». Поэтому вроде бы и не больно. И всё равно — где-то глубоко под ребром ноет. Глупо, по-детски обидно. Попасть в другой мир и всё же тайно надеяться, что будет как в сказке: в палату ворвутся верные друзья, спасут, вынесут на руках... Селяви.

— Да, мы... мы ещё зайдём!
 — Обязательно!

Они отвечают нестройным хором, и я уже знаю — не придут. Ладно. И не надо.

Они уходят. Ширма колышется, и снова меня накрывает тишина. Густая, лекарственная, давящая.

С тихим, чуть дрожащим выдохом я откидываю одеяло.

Об этом ещё никто не знает — чувствительность вернулась сегодня на рассвете. Медленно, осторожно сажусь. Тело слушается. словно ржавое, но слушается.

Тянусь к костылям. Моим временным помощникам. Тело, доставшееся мне в наследство от Альвы, худое и лёгкое — встать проще, чем я боялась. Уже третий раз за сегодня, пока никто не видел. Делаю шаг. Ещё один. Пол скрипит под резиновым наконечником.

Подхожу к окну. За толстым, «глухим» стеклом плывут кучевые облака. Они почти касаются острых, как иглы, спилей Академии. Рука сама тянется к раме — распахнуть, вдохнуть полной грудью, выгнать этот удушливый запах трав и боли... Но окно не открывается.

Академия стоит на утёсе, куда можно добраться только по воздуху или через портал. Закрываю глаза на секунду. Представляю, как должен пахнуть ветер на этой высоте: хвойной смолой, льдом и свободой. Почти чувствую его кожей.

Потом невольно улыбаюсь. Вспоминаю, как Альва прыгала от восторга, получив заветный конверт с печатью. Как сияла, переступая порог. А через неделю её мир рухнул. Ад, устроенный с такой изысканной жестокостью тем, кого она любила.

Опускаю взгляд во внутренний двор. И замираю.

Там, внизу, стоит Кассиан. Спина ко мне, руки небрежно засунуты в карманы. Он разговаривает с двумя старшекурсниками, и даже отсюда видно — он мощнее, шире в пле-

чах. Он говорит что-то, и один из парней заливается нервным смехом.

А потом Кассиан медленно, будто в замедленной съёмке, проводит ладонью по своим чёрным, идеально уложенным волосам. Знакомый жест. Беззаботный.

И в этот момент он, будто почувствовав мой взгляд, начинает медленно оборачиваться...

Глава 8. Новая я

Сердце вдруг начинает колотиться где-то в горле — глухой, предательский стук.
 Будто я подсматриваю за чем-то запретным.
 Будто меня вот-вот поймают с поличным на месте этого немого, жадного взглядывания.

 Но нет. Он меня не видит.

 Дракон оборачивается не до конца — лишь полупрофиль, резкая, словно высеченная из камня линия скулы.
 И... улыбка. Та самая. Кривая, обезоруживающая — та, от которой меркнет всё вокруг.
 Но на этот раз она — настоящая.
 И направлена не в пустоту, а на неё.
 На девушку, будто сошедшую со страниц дорогого глянца.
 Длинные каштановые волосы ловят лучи солнца и оно отражается в них, как в зеркале, а форма кадета сидит на ней так безупречно, что моя, сшитая на общем складе, рядом с ней — просто мешковатый балахон.

 Даже отсюда, сквозь пыльное стекло, я вижу благородный блеск ткани. Дженна Мидвей, кадет третьего курса магического права, идет по двору с невозмутимой уверенностью королевы, осматривающей свои владения.
 Две её спутницы — такие же безупречные, сияющие — следуют за ней в почтительном шаге, словно верная свита.

 Прямо как в дешевой комедии про колледж.
 Я невольно качаю головой, ироничная усмешка застревает где-то внутри.

 Дженна подходит к Кас-

сиану, и его улыбка не гаснет. Напротив, она становится мягче, теплее.
 Он наклоняется к ней, подставляя ухо для шепота, и этот простой жест такой интимный, такой естественный, что у меня в животе холоднее.
 Одна из гламурных подруг уже закидывает удочку Эделю Арно, вторая смотрит на пару влюблёнными, преданными глазами, словно на божеств, сошедших с небес.

 А потом Дженна звонко смеется, легонько бьёт ладонью по его груди... и повисает у него на шее.
 Обвивает, как плющ. Прижимается всем телом, и каблук приподнимают её так, что их лица встречаются на одном уровне. Кассиан не отстраняется.
 Он... отвечает. Их губы смыкаются в долгом, неспешном поцелуе.

 Фу.

 Как это теперь "развидеть"?
 А ведь всё начиналось так прекрасно: высокие облака, острые шпили академии, ощущение тишины и свободы.

 Резиновые наконечники костылей противно скрипят по полу, когда я отрываюсь от окна.
 Сердце все еще бьется слишком громко, но теперь это уже не тревога, а что-то другое. Пустота, наверное.

 Теперь, когда я снова могу двигаться сама, мне нужно в уборную. Не откладывать.
 Смотреть правде в глаза — вот мой новый девиз.
 Я больше не Катя.
 Эта новая оболочка, эта «Альва» — моя данность. Моя реальность.

 Я уже знаю, что я блондинка. Но этого недостаточно. Нужно встретиться с собой лицом к лицу.

 Толкаю дверь в туалетную комнату и... замираю на пороге. Дыхание

перехватывает.

 Потому что...

 Я вижу себя. Впервые. Не мельком в темном стекле, не смутное пятно в отражении окна. А полностью. Откровенно. Большое зеркало, потрескавшееся и поеденное временем, висит прямо напротив входа, и в нём — незнакомка.

 «Ну же, Катя, — шепчу я себе. — Ты чего испугалась? Это же ты».

 Делаю шаг внутрь, и пол под костылями кажется зыбким. Подхожу ближе.

 Бледное, почти серое лицо.
 Ссадины затянулись, синяки пожелтели, но от этого я выгляжу не лучше, а только более... изможденной. Огромные, непропорционально большие голубые глаза смотрят на меня с немой осторожностью чужака. Я медленно моргаю. Они моргают в ответ. Неуверенно приоткрываю рот — и зеркальная девушка повторяет движение. Я поднимаю руку, опираясь на костыль, и касаюсь волос. Длинных, светлых, некогда, наверное, красивых, а теперь спутанных и сальных у корней. Неудивительно, после стольких дней в постели.

 Казённая сорочка висит на мне уродливым балахоном, подчеркивая неудобу.

 И вдруг я улыбаюсь. Криво, но искренне. Зеркальная девушка отвечает мне той же неуверенной, но живой улыбкой.

 Альва была красивой. Красивой, но бедной. Одежда со склада всегда велика, в ботинки приходилось подсовывать скрученные носки — в элитной академии с «бюджетниками» никто не церемонится.

 Улыбка становится тверже. Главное — я встала. Я здесь. Умыться, вымыть эти соломенные воло-

сы, найти хоть что-то по размеру — это уже ерунда, дело техники и времени.

 Мне нужно вернуться. Вернуться к жизни. К учебе.

 Взгляд сам падает на неуклюжие костыли и на ногу, которая пока не хочет сгибаться в колене. Даже с этими ограничениями... Поблажек мне никто не сделает, я это знаю. Значит, придется вгрызаться в учебники в два раза сильнее. Нельзя, нельзя дать ректору ни малейшего шанса отчислить меня за неуспеваемость.

 И вдруг из груди вырывается короткий, почти истерический смешок. Я так мечтала об институте! Копила каждую копейку, отказывала себе во всем, грезил о высшем образовании, игнорируя увещевания воспитательниц «получить нормальную рабочую специальность» в колледже.

 — Альва, ты встала?!

 Я вздрагиваю и оборачиваюсь на порывистый, полный изумления голос. В дверном проеме стоит миссис Абель. Её взгляд мечется между моим лицом и костылями в моих руках, а ресницы трепещут, как крылья пойманной бабочки.

 — Да, — говорю я просто. — Сегодня.

 — Боги великие, но это же чудесно! — она щебечет, влетая в комнату. — Нужно немедленно снять показатели! Я, право слово, думала, ты встанешь не раньше чем через неделю! Идем, идем, детка!

 Я лишь криво улыбаюсь в ответ и, волоча костыли, плетусь за ней обратно к койке. Честно? Я уже умираю от усталости. Этот короткий марш-бросок до уборной выжал из меня все соки, словно из лимона. Я с облегчением валюсь на жесткий

матрас, вытягивая непослушную ногу.

— Когда вы меня отпустите? — спрашиваю я прямо, глядя ей в лицо. — Я хочу вернуться к занятиям.

Лекарка, возящаяся с приборами у моей койки, хмурит лоб, и её лицо становится строгим, почти официальным.

— Чтобы вас отпустить, юная леди, я должна быть полностью уверена, что с вами все в порядке. Мы отвечаем за жизнь и благополучие кадетов, — произносит она заученную фразу.

«Ага, как же, оно и видно», — проносится у меня в голове. Я скептически изгибаю бровь, но кусаю язык. Спорить бесполезно.

Авена Абель щелкает переключателями, меряет пульс, давление, а данные аккуратно заносит в большую потрепанную тетрадь. Её движения резки и профессиональны. И вдруг... что-то меняется. Её пальцы замирают. Взгляд, скользя по циферблату прибора, застревает на нем. Ровные брови взлетают к волосам.

— Не может быть... — вырывается у неё шепот, полный неподдельного, леденящего кровь изумления. Её лицо резко вытягивается, бледнеет. Она смотрит на меня так, словно видит впервые.

Глава 9. Выписка. Ура? Нет

— Что? — у меня вырывается хриплый, почти незнакомый голос. — Что не может быть?

Миссис Абель пугает.

Не своим видом, а внезапной, леденящей тишиной, в которой тонет привычный гул приборов и разговоры в дальнем конце общей палаты.

Авена Абель заставляет себя выдохнуть.

Щелчок выключателя звучит как выстрел.

Она откладывает прибор — тот самый, что только что оглушительно запищал, — и её пальцы, теперь заметно дрожа, тянутся к воротнику белого халата, бессмысленно его поправляя.

— Ничего, детка. — её голос льётся фальшивым мёдом, натянут и хрупок.

Она упорно смотрит в свою тетрадь, но я вижу, как у неё на виске бешено стучит жилка.

— Прибор, видимо, сломался. Надо отдать в ремонт. По всем показателям ты абсолютно здорова и можешь возвращаться к занятиям.

«Врёт».

Мысль вонзается в сознание холодной, отточенной иглой.

Она лжёт так же топорно и прозрачно, как в детстве лгала нам воспитательница, уверяя, что нашу дворняжку «забрали в очень хорошие руки».

Эта ложь сочится из каждого её слова, из каждого избегающего взгляда, из этой нервной дрожи в руках.

— Что вы увидели? — мой вопрос падает в тишину тихо, но она вздрагивает, будто от окрика. —

Со мной что-то не так? Что-то не так с... магией?

 Последнее — выстрел в полную темноту.

 У нас, «бюджетников» из глубинки, магический потенциал почти никогда не проверяют — зачем?

 Считается, что если он и есть, то ничтожный, пылинка.

 Но что ещё может так всколыхнуть, так напугать опытную лекарку в стенах элитной академии боевых драконов.

 — Хватит задавать глупые вопросы, Альва! — её голос внезапно заостряется, в нём звенит сталь и нетерпение. — Я сказала, ты здорова. Прибор сломан, и точка.

 Меня разрывает изнутри.

 Гнев, паника, жгучее любопытство — всё сплетается в тугой клубок под рёбрами.

 Хочется вцепиться в неё, трясти, выбить правду.

 — А как же моя нога? — осторожно начинаю я, но миссис Абель уже сметает вещи со стола. — Я же всё ещё на костылях?

 Громкий, решительный хлопок — она захлопывает толстенную тетрадь. Берёт тот самый прибор, будто горячий уголь.

 Её обычная, деловитая суетливость куда-то испарилась, движения стали резкими, рублеными, будто она отбивается от невидимых врагов.

 — На занятия можно ходить и на костылях, Альва, — говорит она не глядя. — То, что ты поступила на бытовой факультет, не означает, что можно расслабляться. Напротив! Это один из важнейших факультетов. От вашей работы зависит, насколько слаженно будут работать артефакты, насколько вкусной будет еда в столовой и прочной наша одежда.

 Я

лишь изгибаю бровь. Что это?

 Неуместный лик-
без или отчаянная попытка заполнить пугающую паузу?

 Авена уходит, с металлическим скрежетом задвинув
ширму, я слышу её приказной тон.

 — Отнесите
прибор в ремонт.

 Душу оплетает липкая паути-
на обмана.

 Но сейчас я бессильна, чтобы узнать
правду.

 А что, если прибор засёк не магию?

 А что, если он уловил искажение, несоответствие?

 Уловил, что душа... не совсем та, что должна быть?

 Это катастрофа. Я планировала, что мой главный
секрет так и умрёт со мной. Тихо. Тайно.

 Утром следующего дня меня выписывают.

 Если быть точной — вежливо, но недвусмысленно выпро-
важивают. Пинок под зад, облачённый в форму бюрократи-
ческих процедур.

 Пока лежала, думала, пробуду
здесь хотя бы неделю.
 Оказалось, программа обязатель-
ного медицинского страхования в королевстве Дракея ещё
короче, чем я предполагала. А уж для тех, кто вырос в си-
ротском приюте на окраине, её и вовсе будто не существу-
ет.

 На мне та же поношенная форма, что и
в день моего падения — она мятая и грязная.

 Где
её только держали?

 До женского общежития идти
недалеко, но из-за бесконечных, вымощенных древним кам-
нем лестниц академического городка я плетусь туда целую
вечность.

 Каждый шаг на костылях — это прони-
зывающая боль, от которой темнеет в глазах, и сыплются ис-

кры.

 Я стискиваю зубы, сосредотачиваясь на ритме: скрип-удар, скрип-удар.

 Преодолев последнюю, самую высокую ступеньку, я, наконец, оказываюсь у знакомой двери с выцветшим номером.

 Из кармана пиджака достаю ключ — обычный, на холщовой верёвочке, с деревянной биркой.

 Соседки должны быть на занятиях.

 Слабая волна облегчения: будет возможность прийти в себя, спокойно осмотреться и наконец-то смыть с себя липкий запах больницы.

 Душ, конечно, общий на весь этаж, но мне, выросшей в детском доме, не привыкать.

 Открываю дверь. И замираю на пороге.
 В комнате... только две кровати.

 Я моргаю, снова смотрю. Нет. Не может быть.
 Я точно помню: моя кровать стояла у дальней стены, под окном. А под ней — старый, потёртый чемодан со всем, что у меня есть в этом мире.
 Теперь там пусто. Совершенно, абсолютно пусто.
 Куда...
 Куда же всё делось?

Глава 10. Выбор

Стискиваю перекладыны костылей так, что дерево впивается в ладони.

Ярость поднимается по горлу, затмевает разум.

Они что, меня уже списали?

Как бракованный товар?

Нелюди.

Господи, да кто они вообще?! Ящеры. Допотопные, холоднокровные, возомнившие себя венцом творения.

Резко разворачиваюсь. Боль простреливает колено. Ректор. Сейчас же к ректору.

Но в дверном проёме, буквально натыкаясь на меня, возникает запыхавшаяся тень. Полноватая женщина, опираясь о косяк, ловит ртом воздух. Память услужливо подсказывает, что это миссис Лунар, комендант женского общежития.

— Ренар! А я-то думаю, куда ты подевалась из палаты! — выдыхает она, вытирая платочком вспотевшее лицо.

— Добрый день, миссис Лунар. Меня выписали только что. А где моя кровать? — голос звучит ровно, я призываю на помощь всю свою выдержку. Киваю на пустующее место.

Комендант заглядывает в комнату за мою спину, её грудь тяжело вздымается.

— Так, на первый же этаж перенесли! Декан Элрик с разрешения ректора, распорядился. Сказал, тебе так удобнее

будет, пока не окрепнешь.

Ярость, что секунду назад бурлила, как лава, вдруг застывает странной тяжестью в желудке. Хочу переспросить, но сжимаю губы. Альва была доверчива. Альва была мила. Любая моя подозрительность сейчас будет фальшью.

Эта... забота. Она словно гвоздь, вбитый в шестерёнки моего механизма. Всё скрежещет и встаёт. Разве в этом мире, где «золотые детки» могут разбить тебя о мостовую ради забавы, есть место для такого?

— И чтоб ты к нему направилась, как только выпишут, — продолжает миссис Лунар, и в её голосе прорывается искреннее сочувствие. — Пойдём, я помогу спуститься. Лестница-то крутая.

— Н-не надо, — машу рукой. — Я отдохнула.

— Да брось ты! Я всем, каждой из вас твердила: не лезьте вы к этим драконам. Но кто ж слушает-то?

Её слова падают на благодатную почву. В памяти Альвы нет ни единого плохого слова о круглолицей комендантше. Доверие, нежданное и непрошеное, тихо шелестит где-то внутри.

Спускаться с помощью действительно легче. Но когда я представляю себе бесконечные пролёты до кабинета декана на третьем этаже Академической башни, колено, ноет в унисон со страхом.

Я уже говорила, что ненавижу лестницы? Так вот, теперь я ненавижу их, как личных врагов.

И всё же человек — живучая скотина. Кряхтя и закусывая губу, я добираюсь до массивной дубовой двери с табличкой «Декан факультета. Освальд Элрик».

Ну, если его не окажется на месте...

— Войдите, — раздаётся из-за двери строгий, низкий голос. Он парализует на миг. Я ещё не стучала.

Открываю дверь и захожу внутрь. Меня встречает просторный, аскетичный кабинет. Ничего лишнего: книги, карты, тяжёлый стол. И он. Центр гравитации этой вселенной. Сидит в кресле спиной к огромному окну, залитый холодным светом, и, кажется, будто не комната его вмещает, а он милостиво позволяет пространству существовать вокруг себя.

Волосы цвета старого серебра собраны у затылка. Холодные серые глаза, изучающие меня с безразличной точностью профессора. Безупречный тёмно-синий мундир с серебряным шитьём. Перед ним — стопка бумаг. Моё личное дело лежит сверху.

Сердце колотится где-то в горле, но я делаю непроницаемое лицо. Просто смотрю. Не отвожу взгляд и не опущу первой.

— Мисс Ренар, — произносит он. Голос бархатный, без единой трещинки эмоций. — Вы демонстрируете удивительную живучесть.

— Это комплимент, сэр? — мой собственный голос звучит хрипло.

Его тонкие брови едва заметно ползут вверх. Неожиданный, но неинтересный экспонат под стеклом.

— Констатация факта. Не больше. А ещё поразительно упрямы. Любая другая на вашем месте согласилась бы с решением ректора. Но не вы.

«И вам было бы спокойнее», — досказываю я про себя. Вслух говорю:

— Боюсь, мне неловко вас разочаровывать. Но я пока в сознании и желаю учиться здесь.

Его взгляд скользит по костылям, по моему помятому виду. Ни жалости, ни вины. Только анализ.

— Присядьте. Каковы прогнозы вашего состояния?

Кивнув, ковыляю к стулу. Сажусь медленно, чтобы не навредить ноге.

— Буду ходить. Пока — так. Миссис Лунар сказала, вы меня ждёте. По какому вопросу?

— Я пригласил вас, чтобы определить ваш дальнейший статус в академии «Искони».

Молчу, давая ему продолжать. Детдом научил меня не доверять ласковым словам и увещеваниям, а ещё молчать и слушать.

— «Искони» готовит оружие империи. Боевых драконов, офицеров, тактических магов. Даже второстепенные факультеты обязаны соответствовать минимальному физическому стандарту. Полевые выходы, строевая подготовка, основы телесной магии. Вы, как я понимаю, теперь к этому неспособ-

ны.

Вот оно. Лёгкое, почти изящное решение проблемы по имени «Альва Ренар». Не приказ об отчислении из-за скандала, а выискать более весомую причину.

— Значит, меня отчислят, — констатирую я, вибрирующим от обиды голосом.

Освальд Элрик медленно откидывается в кресле. Складывает пальцы домиком. Смотрит не на меня, а сквозь меня.

— Да. К сожалению, выбранное вами направление не подходит для обучения такой, как вы. — он делает паузу. — Поэтому, — продолжает он, и его голос обретает стальную ясность, — вам предлагается перевод. На специальность архивного дела. Там нет физических нагрузок. Вы сможете восстановиться и при этом получить столь желанное образование.

На это направление брали в основном тех, кто не поступил, но очень желал здесь учиться. Понятн, что желающих рыться в кипах бумаг, в подвале, а кафедра находится именно там, не было, оттого тотальный недобор компенсировали именно так. Кафедрой заведует земляной дракон сэра Арлстон, и свет ему, собственно, не очень-то и нужен.

— У меня есть выбор? — спрашиваю я, уже зная ответ. Его губы чуть тронулись. Это не улыбка.

— Всегда есть выбор. Вы можете отказаться и покинуть стены «Искони» по собственному желанию. Можете остаться на артефакторном направлении, но быть отчисленной. Или

присоединится к архивному делу и тихо доучится.

Лучшие решения не для меня. Для них. Чтоб глаза не мозолила. Чтоб не напоминала.

Я смотрю на свои руки, сцепленные в замок. Внутри что-то смыкается, твердеет. Как стальная пружина.

Отказаться — значит сдать. Значит, дать им стереть себя. Принять перевод — значит стать невидимкой. Призраком в закоулках.

— Сколько у меня времени обдумать сложившуюся ситуацию?

Глава 11. Нетакуся

Если отбросить панику и несбыточные мечты, то выбор мне предоставили не самый отвратительный.

Архивное дело.

Там обучают будущих картографов, хроников и писарей-клерков. Основа королевской идеологии — переписывать историю, представляя военные кампании в выгодном свете. Тихая, пыльная контора, где можно затеряться и никому не мешать.

Тяжело вздыхаю и поднимаю глаза к небу. Сэр Элрик дал мне времени не больше, чем требуется, чтобы привести себя в надлежащий кадету внешний вид.

Но вместо того чтобы пойти в женское общежитие, я, спустившись во двор, медленно бреду к старой скамье у стены. Двор пуст. Тишину нарушает лишь далёкий крик каких-то птиц.

Я сажусь, впиваясь пальцами в холодное дерево, и пытаюсь дышать. Глубоко. Раз другой. Горный воздух, острый и чистый, обжигает лёгкие.

Нужно привести мысли в порядок. Нужно...

Чёрт!

Кулак со всей силы обрушивается на скамейку. Боль отдаёт в костяшках, но это хорошо. Это отвлекает.

Всё так. Архивное дело. Доучиться. Получить тихую, ни-

кому не нужную работу в каком-нибудь провинциальном отделении. Выжить. Это логично. Это разумно.

Тогда почему внутри всё сжимается в один тугой, тошнотворный ком?

Меня мутит, будто я проглотила комочек в манной каше.

Альва поступила на бытовой факультет, желая стать артефактологом.

Гениально, если вдуматься. На заводах по сборке простых артефактов — вечный недобор. Мужчины смотрят на эту работу свысока: мол, копеечная, не мужская, без перспектив. Туда идут только женщины. Альва продумала всё: и заводское общежитие, и бесплатное питание в столовой. Она, такая же сирота, как и я, могла надеяться только на себя. И сделала ставку на стабильность, на этот жалкий, но надёжный «соцпакет». Умничка. Настоящая умничка.

А я... Выходит, я её подвожу. Сбегаю. Бросаю на полпути. В горле встаёт горький ком. Как же всё это сложно. Невыносимо сложно.

Пронзительный звонок с урока режет тишину, заставляя вздрогнуть. Нужно убраться отсюда. Сейчас я не в форме, чтобы встречаться с кем-либо. Особенно с ними. Душ, чистая форма, еда — вот мой план. Тогда, может быть, я буду хоть немного похожа на человека.

Но тело отказывается слушаться. Оно тяжёлое, неповоротливое, будто налитое свинцом. Сделать шаг — целое достижение.

— А кто это у нас здесь? — раздаётся насмешливый голос.

— Хромоножка, ты в курсе, что выглядишь как пугало?

Меня окружают. Трое. Высокие, накачанные, с самодовольными ухмылками. Элитная свита Кассиана. Его личные псы.

— Дайте пройти, — говорю я ровным, безжизненным тоном.

Внутри всё замирает.

— А ты куда так спешишь? — Дэвид Вилрой, красавчик с лицом ангела и душой тролля, растягивает слова. — Теперь-то у тебя вся жизнь... ме-е-едле-е-енная.

Он кривляется, смешно подгибая ногу и ковыляя вокруг на воображаемых костылях. Его друзья корчатся от хохота.

— Не боишься? — спрашиваю я, и собственная насмешливая интонация удивляет меня. Левая бровь сама собой изгибается. — Вдруг это заразно? И тебе скоро понадобится пара настоящих, а не воображаемых?

Смех стихает. Со всех сторон сбегаются другие кадеты. Глаза горят ожиданием зрелища. Собралась приличная толпа.

— Осторожнее, Дэвид, — смеётся Сальм Хенет, мощный дракон с хищным прищуром. — Мебель-то заговорила! А мы-то думали, ты только доносы писатель умеешь, Нетакуся.

Какие доносы?

Машинально копаюсь в памяти Альвы, пытаюсь найти хоть что-то. В ответ лишь пустота, белое пятно.

— Это она себе цену набивала, — вторит ему Эдель Арно, щёлкая языком. — Мол, смотрите, какая я недоступная. Нетакуся-недотрога.

Они огромные. Каждый выше меня на целую голову. Сложены, как античные боги со страниц учебника, эти высокородные засранцы.

Они тыкают в меня пальцами, тычут костыль, и от каждого прикосновения по коже бегут мурашки омерзения.

И ради таких гавнюков девчонки вздыхают, ночами на крышу бегают, чтобы украдкой подсмотреть, как они тренируются? Фу. Просто фу.

А где же их бог и повелитель? Глаза автоматически выискивают в толпе Кассиана. Нет. Его здесь нет. И слава всем древним богам. Его появления сейчас мне точно не вынести.

Я делаю упрямый шаг вперёд. Но живое кольцо из тел смыкается плотнее. Не пробить.

— А покажешь ещё раз своё бельишко, Нетакуся? — говорит кто-то сзади.

— Да что там смотреть, доска и то фигурнее, — отвечает другой.

Я замираю на месте, просто качая головой.

Ну не ломиться же на них, как барану на стену?

Надоест — сами разойдутся. Не сто́ит давать им новый повод для потехи.

И толпа внезапно расступается.

Дженна Мидвей плывёт ко мне, словно богиня, сошедшая

с пьедестала.

— Ах, мальчики, мальчики, — её голос звучит сладко, приторно, прямо-таки настырно-медово. Зубы ноют от этой фальшивой нежности. — Вы совсем забыли о манерах? Человек на костылях. Ей и так несладко.

Солнце играет бликами в её идеальных волосах, и толпа замирает, замороженная. Вот это сила. Не грубая сила кулака, а утончённая власть обаяния и статуса.

Дженна очаровательно пожимает плечиками, и толпа взрывается смущённым бормотанием, которое тут же тонет в новом, оглушительном звонке. Урок. Все рассеиваются, бросая на нас последние любопытные взгляды.

Я разворачиваюсь и ковыляю к арке, ведущей к общежитиям. Но лёгкие, неслышные шаги следуют за мной по пятам. Дженна не отстаёт. Только, когда мы оказываемся наедине под аркой, она говорит.

— Ты понимаешь, что это только начало? — её голос теряет всю сладость, становясь холодным и чётким, как лезвие. — Ты перешла дорогу не тому дракону. Совет: найди самый тёмную нору: заройся в ней и сиди тихо, не дыши. Может, тогда доучишься. Кассиан не умеет прощать.

— Мне нет дела до Кассиана и его шавок, — отвечаю я не оборачиваясь. Голос звучит устало, но твёрдо. — Я их не трогаю, и они пусть не трогают меня. Простая арифметика. Слышу тихий, беззвучный смешок.

— Глупышка. Ты уже тронула. Касса лишили полётов из-

за тебя. Если он не сдаст из-за этого зачёт его отчислят.

Я медленно поворачиваюсь к ней. Встречаю её холодный, оценивающий взгляд.

— Ах, какая трагедия, — говорю я, и в голосе проскальзывает та самая ядовитая искорка, что была раньше. — Выразите ему мои самые искренние... соболезнования. Мне правда не жаль.

На её безупречном лице что-то мелькает. Не гнев. Скорее... живой, неподдельный интерес, который она тут же прячет за высокомерным взглядом.

— Я предупредила тебя. Не мни из себя стойкую и сильную. Ты оборванка, что смогла по воле случая поступить в элитную академию.

На этой гадкой ноте Дженна разворачивается и уходит, а я тяжело вздыхаю. Н-да легко не будет.

Захожу в общежитие и иду на поиски миссис Лунар, чтобы узнать, где теперь моя комната, как слышу.

— Это просто беда. Он уволит меня! Уволит! Никто не хочет из бытовиков участвовать в конкурсе на лучшую старосту. Я уже готова пообещать зачёты от всех преподавателей!

А вот это уже интересно...

Глава 12. Конкурс

— Вы правда можете это пообещать?

Комендантша беседует с миссис Реже — той самой, что успокаивала родителей после моего прыжка с балкона и писала те нелепые письма про неразделенную любовь и моё помутнение рассудка. Надеюсь, родители учеников не стали их читать, а сразу отправили в огонь. Очень-очень на это надеюсь.

Не церемонясь, подхожу к ним вплотную. Женщины замолкают и переглядываются с настороженной немой договорённостью. Видимо, их разговор был не для чужих ушей.

— Мисс Ренар, вы не подходите под условия конкурса, — говорит миссис Реже, избегая смотреть мне в глаза.

У неё круглое, белоснежное, будто фарфоровое лицо, усыпанное россыпью рыжих веснушек, и слегка вздёрнутый нос. По возрасту она немногим старше пятикурсника, но уже успела обзавестись мужем.

— Почему? — упрямо спрашиваю я.

Нет, теперь вы так просто от меня не отвертитесь. Не выйдет.

— Ваше... физическое здоровье не позволит вам участвовать, — тяжело вздыхает Реже.

— А там что, нужно бегать и прыгать? — не отвожу от неё прямого, наглого взгляда.

Миссис Реже в замешательстве жуёт губу, лихорадочно соображая, чтобы ещё придумать.

— Зачем вам это? Вы даже не знаете, что там нужно будет делать!

Ой, да бросьте. Ну не раздеваться же при всех. Хотя... Упс. Пожалуй, в «таком виде» меня уже видела вся академия «Искони». Больше я никого этим не удивлю.

— Так просветите меня. Тем более, желающих у вас, кажется, нет. А я всё ещё кадет бытового факультета.

Миссис Лунар, наша комендантша, тяжело вздыхает и едва заметно пожимает плечами в сторону Реже мол, сама выпутывайся, я тут ни при чём.

Меня не берут в этот дурацкий конкурс, потому что Я — это Я.

Будь на моём месте Анэли или Бридж...

Что ж, восстанавливать честное имя будет ох как непросто.

— Миссис Реже, скажу прямо. Мне не сдать ряд зачётов, и из-за этого меня отчислят. Но я очень хочу остаться. Не просто в академии, — делаю ударение, — а именно на бытовом факультете, на выбранной мной специальности. Для меня это важно.

Скорее всего, канцелярия уже в курсе «выбора», который мне предложили. Возможно, на мой перевод уже приготовили приказ, а сэр Арлстон уже расчистил для меня один из своих пыльных столов. Но я не намерена сдаваться без боя.

— Конкурс разделён на этапы. Первый — отборочный. Он отсеет большинство претендентов. И... в принципе, я не имею права препятствовать вам подать прошение. Скажем, вы узнали о нём из общего объявления, — говорит она, найдя, наконец, безопасную формулировку.

И напугала, и приободрила, и самое главное — она вроде бы ни при чём. Удобно.

— Подойдёте ко мне с бумагами, когда вы... немного отдохнёте, — она медленно обводит меня оценивающим взглядом, ясно давая понять, что выгляжу я после всех событий просто отвратительно.

Я молча киваю. Мне и правда нужен душ, отдых и, чёрт возьми, хоть какая-то еда.

Реже удаляется, а я остаюсь с миссис Лунар, которая с тихим, материнским вздохом провожает меня в новую комнату.

Вручив ключ, она показывает, где на первом этаже находится помывочная, и неожиданно для меня достаёт из кармана форменной одежды булочку, аккуратно завёрнутую в бумагу.

— Перекуси, Альва. До ужина ещё далеко.

Я благодарю её и почти сразу вгрызаюсь в мягкую, душистую мякоть. Боже, какая же я голодная! Просто с ума можно сойти.

Час спустя, посвежевшая и в чистой запасной форме, я уже внимаю инструкциям миссис Реже, в канцелярии, что

находится в ректорском корпусе.

Миссис Реже открывает папку с бумагами, и я вижу, прямо сверху список, почти весь боевой факультет подал прошение на участие в конкурсе.

— После какого тура я могу быть уверена, что получу зачёты?

Смотрю на список и понимаю, что мне не выиграть. Куда уж мне, девчонке из детдома, тягаться с любимцами всей академии. В комедиях про колледжи неряшливая «ботанша» может стать королевой бала, но в жизни всё куда сложнее.

— Пройдите отборочный тур. Тогда я договорюсь с преподавателями по тем дисциплинам, где у вас проблемы. Но этот разговор должен остаться между нами, — её голос становится шёпотом, полным сговора.

Никаких гарантий, просто договорённость. А что, если преподаватели не захотят идти навстречу? Впрочем, выбора у меня нет.

Миссис Реже кладёт передо мной бумаги: прошение на имя ректора, а также список привилегий для участников и приз победителя.

Конкурс, надо признать, стоит усилий.

Одна годовая стипендия чего стоит! Иметь собственные деньги было бы восхитительно. Наконец-то можно было бы носить одежду, которая сидит по фигуре, а не болтается, как на пугале, купить приличный шампунь вместо кускового мыла.

Когда я заполняю прошение, миссис Реже неожиданно спрашивает:

— Вы ведь прыгнули тогда... из-за стыда? Кассиан в присутствии ректора поклялся, что не отдавал вам приказа прыгать.

Вот же лжец! А кто же тогда, если не он? Я невольно вздрагиваю, будто снова чувствую на плечах тяжесть его ладоней.

— Конечно, это было так, — гладко отвечаю я, успокаивая её.

Зачем что-то доказывать? Главное, что я знаю правду. Пусть Кассиан строит из себя невинного ангела. Я ему это припомню. Обязательно.

— А Кассиан участвует в конкурсе? — невинно осведомляюсь я.

Миссис Реже складывает мои бумаги, затем поднимает на меня удивлённый взгляд.

— Д-да... Кадеты боевого участвуют полным составом, — она машет рукой, и её рыжие кудряшки подпрыгивают, как тугие пружинки. — Но в этом году только пятый курс. Так решил сэр Элрик.

Я-я-я-сно. Кассиан и ко.

— Странно, не находите? Девушки так стремятся быть ближе к своим кумирам, но от участия в конкурсе отказываются. Это же прекрасный шанс.

Миссис Реже смотрит на меня с неподдельным изумлени-

ем.

— Мисс Ренар, у женщин мягкая сила. Бросать вызов мужчине, даже на таком конкурсе, как этот — это моветон.

У меня по спине пробегают ледяные мурашки.

— То есть... других девушек не будет? Вообще?

— Ни одной, — пожимает она плечами. — Только вы.

Глава 13. Полёты строём

Следующим утром я просыпаюсь раньше будильника.

В комнате, выделенной мне миссис Лунар, я одна. Это даже к лучшему. Никто не будет лезть в душу. Да и вряд ли кто-то другой согласился бы здесь жить.

Комната больше похожа на кладовку для швабр, чем на комнату кадета. Узкая кровать да шкаф — вот и вся обстановка. Нет даже стола и стула. Но я не жалуясь. Жаловаться роскошь, которую я не могу себе позволить.

Сегодня мой первый учебный день после «больничного».

Страшно ли мне?

Панически.

Особенно если учесть, что первой парой стоит та самая строевая подготовка, зачёт по которой я завалю, если всё останется как есть.

Достаю из шкафа спортивную форму.

Чёрт...

Она выглядит ещё печальнее, чем повседневная.

Мешковатая, на пару размеров больше, а кроссовки...

Это что, следы канцелярского клея?

Подношу их ближе к лицу и тяжело вздыхаю.

Выбирать не приходится.

Кряхтя и пыхтя, натягиваю штаны на больное, негнущееся колено, с теми же звуками втискиваю ноги в кроссовки.

Собираю волосы в высокий, тугой хвост и отправляюсь на полигон.

К нему ведёт узкий проход между корпусами двух факультетов. Когда я выхожу из этой каменной щели, дыхание перехватывает.

На глаза наворачиваются предательские слёзы. Я знала, что академия стоит в горах, но не подозревала, что за стенами скрывается такая ослепительная, духоподъёмная красота.

Бескрайнее небо, острые пики, утопающие в утренней дымке, и воздух — холодный, чистый. На миг забываю, зачем пришла.

Приковыляв к плацу, где собираются девчата с бытового, ловлю на себе взгляд Анэли. Она слабо кивает и быстро отводит глаза, будто обжёгшись.

— Не сердись на неё, — раздаётся за спиной весёлый голос Бридж. — Предки строго-настрого запретили с тобой общаться.

Оборачиваюсь.

— А тебе?

— Моим всё равно. Дружи с кем хочешь, главное — доучись, — Бридж пожимает плечами, и в её глазах мелькает тень вины. — Я просто... там, в лазарете. Было так страшно тебя видеть. Такой... пустой. Ты же у нас всегда заводила была, а там — взгляд в никуда, голос безжизненный. Я потерялась.

— Я не в обиде, — говорю искренне. — Если не захочешь

общаться пойму. Но буду рада, если останешься дружить с такой калекой.

Я понимаю, что не смогу выжить здесь одиночкой, поэтому какой бы асоциальной я ни была, нужно налаживать общение.

— Брось! Это же не навсегда. Ой, то есть... я не против, поняла? — она смущённо поправляет рукав.

Нашу беседу прерывает появление тренера — высокого и мощного, как скала, сэра Кири.

Его взгляд скользит по строю и намертво прилипает ко мне. Он слегка качает головой, а затем его громоподобный голос раскатывается по плацу:

— Кадет Ренар! Шаг вперёд!

Делаю шаг, мысленно благодаря игру в «Зарницу» из детства. Без неё и этого не знала бы как сделать.

— Кадет Ренар прибыла на занятие по строевой подготовке! — рапортую, впиваясь ногтями в дерево, чтобы стоять прямо, насколько позволяют костыли.

— Выйти из строя. Вы отстранены от занятия по здоровью.

Молча выхожу из строя к ограде, где висят спортивные куртки самых «горячих» девушек.

Сердце ноет от унижения, но я заставляю себя дышать глубже.

Не буду паниковать.

Во-первых, до зачёта ещё время буду просто внимательно

смотреть и запоминать все требования.

Во-вторых, если пройду отборочный тур конкурса, этот зачёт мне поставят автоматически. Нужно просто продержаться.

Но уже через несколько минут понимаю, что погорячилась.

Сэр Кири гоняет девушек по плацу так, будто завтра не меньше, чем парад Победы. Он орёт, не умолкая, и скоро ещё несколько заплаканных «отказниц» присоединяются ко мне у забора.

Сразу видно сэр Кири фанатик своего дела. Уже начинаю с опаской думать, что просто так он зачёт не поставит!

Тяжело вздыхаю и на миг отвожу взгляд в сторону гор... и замираю.

Из груди рвётся дикий, немой вопль ужаса. Я впервые в жизни вижу дракона.

Огромный, покрытый серебристой чешуёй, он проносится над нашими головами, и плац взрывается визгом. Но если мой визг от животного страха, то их от щенячьего восторга.

Чуть ниже, на каменном плато, парни с боевого факультета по очереди превращаются в драконов и взмывают в небо. Магия превращения бьёт в нос запахом озона, серы и могучей, дикой силы.

Сэр Кири негодует, но все бытовички, включая самых прилежных, застыли, разинув рты.

Драконы летят в небе чётким, отработанным строем.

Чёрт возьми... Это и правда завораживающе красиво.

В голове сами собой всплывают страницы учебника: полёт строем экономит силы, повышает скорость и защищает от внезапного нападения.

Я смотрю, затаив дыхание, и чувствую странный, горький восторг.

Эх, Альва... И зачем тебе всё это было нужно?

Ах да... Они же были её кумирами.

Когда-то.

На плато остаётся только один человек. Кассиан Вейлор. Его отстранили от полётов, и сейчас он, кажется, хочет выжечь взглядом дыру не в моём старом костюме... Бери выше, Ренар. Скорее, у тебя во лбу.

Что там болтала его подружка? Его отчислят, если он не сдаст полёты.

Что ж. Похоже, мы в одинаковом положении, наследник Вейлор и сирота Ренар. Ирония судьбы.

После безуспешных попыток вернуть внимание класса сэр Кири, нахмурившись, ставит в журнал самые низкие баллы и распускает нас.

Сам он тяжёлой походкой идёт вниз, к каменному плато.

— Ругаться пошёл, — хихикают девчонки, собирая вещи.
— Опять наши занятия поставили в одно время с их полётами.

— Ну как можно сосредоточиться, когда в небе они?

Бридж, оказавшись рядом, тихо хихикает, и я едва сдер-

живаю улыбку. Надо возвращаться перемена хоть и долгая, но нужно успеть переодеться.

Бридж помогает мне подняться по склону, а потом, извинившись, убегает по своим делам.

Я ковыляю позади всех, погружённая в мысли, и не замечаю тени, бесшумно настигающей меня сзади...

Глава 14. Элиот

Я резко оборачиваюсь и почти сталкиваюсь лицом к лицу с парнем.

Он стоит прямо передо мной, замерев от неожиданности.

Невысокий, щуплый, со взъерошенными пепельными волосами. Он смотрит на меня огромными, испуганными глазами за толстыми стёклами очков и молчит, лишь изредка шмыгая носом.

В груди что-то неприятно сжимается. Листаю мысленные файлы Альвы, но ни одной записи об этом «чуде» не нахожу. А он и правда «чудо».

На нём форма боевого факультета, но это выглядит как насмешка. Все драконы с боевого факультета как на подбор: высокие, с широким разворотом плеч и взглядом, прожигающим сталь.

А этот... этот больше напоминает перепуганного книжного червя, который по ошибке забрёл на чужую территорию. Он таращит на меня свои глазищи, которые кажутся ещё больше через стёкла очков, и молчит.

— Что такое? — вырывается у меня, и голос звучит резко, почти сердито. Меня бесит этот немой осмотр. — Почему так смотришь?

Он вздрагивает всем телом, глаза за стёклами становятся ещё круглее.

— П-п-прости! — выдыхает он, и слова путаются, спотыкаясь друг о друга. — Я Элиот. М-мы не знакомы, но я... я очень хотел бы познакомиться.

Во рту пересыхает от абсурдности.

Это что, шутка?

Кто в здравом уме захочет знакомиться с калекой на костылях, когда вокруг целый факультет девушек, мечтающих о драконе в мужья?

Стыдливое пламя жжёт щёки стыдно и за него, и за себя, и за эту нелепую сцену.

— Альва, — отрезаю я коротко, уже разворачиваясь. Мне нужно бежать, следующий предмет, артефакторика, опаздывать нельзя. — Извини, мне нужно на занятия.

Это невежливо, поворачиваться спиной, но у меня нет выбора. Я делаю шаг, ковыляя, и слышу за спиной торопливые шаги.

Он догоняет меня!

Просто встаёт рядом и молча идёт, лишь посапывая и изредка поглядывая искоса.

Мы выходим из каменного коридора между корпусами к зданию общежитий. Внутри всё сжимается в тугую комок раздражения. Надо от него отвязаться, а то он, чего доброго, последует за мной прямо в женский корпус. Там, конечно, миссис Лунар развернёт его, но мне лишние слухи ни к чему.

— Элиот, спасибо, что проводил, — останавливаюсь я, и в голосе прорывается усталая нотка. — Мне, правда, надо

идти.

Он замирает, пожимает плечами, и на его лице мелькает растерянность, смешанная с упрямством.

— Да-да, конечно... я, эм, забыл. Ладно. Подойду к тебе в столовой, хорошо?

Моё сердце делает неприятный толчок.

Ещё чего не хватало! Не было печали, ухажёр нарисовался. Но я лишь молча киваю, не в силах сейчас спорить.

Он разворачивается и уходит странной, подпрыгивающей походкой, напоминающей испуганного котёнка. Я смотрю ему вслед, и внутри булькает коктейль из неловкости, недоумения и доли дикого смущения.

Мысленно воюю сама с собой, пытаюсь осмыслить эту сюрреалистическую сценку.

— Впечатляюще, Ренар.

Голос. Низкий, гладкий, как отполированный лёд. Он проникает под кожу мгновенно, и всё тело настораживается. Я знаю этот голос из тысячи.

Медленно, делая глубокий, почти звериный вдох для самообладания, я поворачиваюсь.

Кассиан Вейлор. Он стоит, небрежно прислонившись к стене, руки засунуты в карманы. Его холёное, идеальное лицо, полная противоположность только что ушедшему Элиоту. И выражение на нём... в нём нет даже злости. Только высшая, вселенская степень презрения, от которой кровь стынет в жилах.

— А говорят, у калек жизнь заканчивается, — продолжает он, и каждый звук будто укол тонкой, отравленной иглой. — Ты, я смотрю, времени зря не теряешь. Уже нашего местного гения-затворника в сети заманила. Быстро ты оправляешься.

Я чувствую, как по спине ползёт холодная волна ярости и унижения.

Контраст между ними ошеломляет, он физически давит на виски.

Один — нелепый, нервный, словно бы не от мира сего. Другой — воплощение ледяной, смертоносной власти. И я застряла между ними, как мишень, как объект для их насмешек — каждого со своей стороны. Мои пальцы впиваются в дерево костылей так, что, кажется, оно вот-вот треснет.

В голове молнией проносится мысль.

А не Кассиан ли подослал этого Элиота? Нашел ещё один способ, поглумиться надо мной?

Горло сжимается от этой догадки. Нужно держать оборону. Ни единой трещины. Никаких эмоций. Пусть подавится своим же ядом — это всё, чего он заслуживает.

Я поднимаю подбородок, встречая его ледяной взгляд.

— А что, мы, калеки, только и ждём, чтобы кого-нибудь заманить в сети. — мой голос звучит нарочито спокойно, почти лениво. — Женщины вообще существа опасные. Куда страшнее драконов. Уточню — особенно те, кого уже загнали в угол.

Его губы растягиваются в холодной, безрадостной усмеш-

ке.

— И это и есть твоя мотивация для конкурса? Надеешься, что кто-то разглядит в тебе эти «прелести»? — Он медленно, оценивающе оглядывает меня с головы до ног, и этот взгляд словно оставляет на коже ожоги. — Поверь, их уже видели. Вся академия. И ничего интересного.

Его слова вонзаются в грудь как ледяные осколки. Больно. Унизительно. Но я не позволяю себе дрогнуть.

— У меня, по крайней мере, есть за что бороться, — выдыхаю я, и в голос впервые прорывается сталь. — А ты зачем сюда вписался, Вейлор? Папочке не угодил? Не стал самым-присамым? Или тебе от скуки заняться нечем, кроме как меня преследовать? Ненавидишь — так ненавидь молча. Как это делаю я.

Сердце колотится где-то в горле, а адреналин оглушает набатом в висках. Зачем я это говорю? Зачем лезу на рожон? Он этого и ждёт!

Кассиан делает шаг вперёд. Пространство между нами сжимается, наполняясь запахом морозного воздуха и скрытой угрозы.

— О, — его голос становится тише, но от этого только страшнее. — Ненависть — это чувство, которое ещё нужно заслужить. Ты не дотягиваешь даже до моего презрения. Ты просто грязь на ботинках, которую давно пора стереть. Хотя в конкурсе есть один плюс, мне не будет так скучно проводить свои дни без полётов. Ведь у меня будет персональная

игрушка. Общая гостиная. Ты и я.

Он скалится белозубой улыбкой.

Я замираю. Словно воздух выбили из лёгких.

— В... в какой общей гостиной? — срывается с губ глупый, растерянный вопрос.

На его лице впервые появляется что-то похожее на искреннее, почти звериное удовольствие. Он поймал меня на незнании.

— Читала бы правила конкурса повнимательнее, Ренар, — он сладко тянет слова. — Все, кто пройдёт отбор, будут жить в одной из башен. Вместе. Общая гостиная, общие коридоры... Ты правда думаешь, что тебе там будет легко, если ты туда пролезешь?

В глазах темнеет. Да чтоб тебя...

Глава 15. Причина

Слова профессора Киби долетают до меня, как сквозь густой туман, в котором я барахтаюсь уже полчаса.

— Мисс Альва, вы с нами? — звучит его голос, сухой и острый.

Я вздрагиваю и с усилием отрываю взгляд от окна, за которым клубится обычная серая мгла.

Стыд, едкий и горячий, подкатывает к горлу.

Я рассеяна и невнимательна на артефакторике — главном предмете того самого направления, за место в котором мне ещё предстоит бороться.

Это верх глупости. И я ничего не могу с собой поделать.

Мысленно я снова возвращаюсь к разговору с Кассианом. С этим мстительным, противным драконом, который не остановится, пока вдоволь не поиздевается.

Ему, видите ли, скучно!

Пф-ф...

А мне так весело ковылять, как хромым утёнок.

Тёплое, лёгкое прикосновение к плечу. Бридж. Я оглядываюсь на неё и только тогда осознаю хруст в пальцах. Я почти сломала карандаш. Разжимаю кулак, и на ладони остаются красные, болезненные вмятины.

Профессор Киби, не дождавшись внятного ответа, уже разворачивается к доске, испещрённой сложными схемами.

Он объясняет магические поля артефактов.

Архиважная тема, — настойчиво подсказывает мне чужая память Альвы.

Она будет в зачёте в конце полугодия. А я... я провела полпары в отчаянных попытках вытравить из головы насмешливый оскал дракона.

Значит, буду выгрызать эти знания самостоятельно, в тишине библиотеки. Эх...

Заставляю себя сосредоточиться.

Слова профессора обретают форму, вплетаются в логические цепочки.

И если прошлое занятие шокировало меня настоящими драконами, то от холодной, неумолимой логики артефакторики волосы на загривке медленно поднимаются дыбом. Это не сказки. Это магия.

Мама дорогая...

Мысль обжигает, ясная и неоспоримая. Я реально попала в магическую академию. Где реально изучают магию.

Не шульки-мушульки тёти Зары с засаленными картами на рыночной площади, а сила, которая, если верить Кибби, дремлет в каждом.

Просто людям она не даётся с рождения, как драконам.

Её нужно выстрадать, выковать, вытянуть из себя по капле.

Я украдкой смотрю на свои ладони, будто прямо сейчас могу шархнуть кого-нибудь молнией.

А что? Было бы удобно.

Не делать каменное лицо, сжимая в кулаке страх и ярость, а просто — бац. И зад горит.

Объёмное домашнее задание в моей сумке отдаётся тяжким грузом, оттягивая плечо. Поток студентов выплёскивается из аудитории и с грохотом катится по коридору к столовой.

У «бытовиков», то есть у нас обед всего сорок пять минут. А раз из-за утренней тренировки завтрак пропустили все, то движение в столовую напоминает паническое бегство.

Я плетусь в хвосте этой лавины. Каждый шаг отзывается тупой болью в протестующих мышцах.

Пока я ковыляю до просторного, шумного зала, все удобные места у стен и в углах уже заняты.

Спасает Бридж, она машет мне с дальнего стола, сохранив местечко, и даже на моём подносе аккуратно разложены порции.

Две девочки, уже сидевшие с ней, встречают моё приближение, синхронно скривив губы, но, встретившись взглядом с Бридж, отводят глаза и демонстративно углубляются в еду.

Столовая академии накрывает меня волной дежавю, таким густым и тошнотворным, что на секунду перехватывает дыхание.

Та же длинная мебель, те же звуки ложек о металл...

Те же будоражащие аппетит ароматы? Нет, вру.

Нос безошибочно выделяет знакомую комбинацию: варё-

ная капуста и кислый компот.

Я пожимаю плечами. Не привыкать.

Особенно после того, когда я устроилась на работу и начала сама колдовать у плиты, стряпня бабы Наташи из детства стала вспоминаться чуть ли не кулинарным изыском. Так, что я не привереда.

Взгляд сам собой скользит к буфету у дальней стены. Там другой мир.

Блеск золотых обёрток, бархатистый шоколад, пирожные-хамелеоны, имитирующие настоящие фрукты, мерцание кофейного автомата.

Но настоящее волшебство в ценниках. Даже полной стипендии не хватит на полноценный пир. Да и ладно.

Но не все здесь живут в режиме выживания. Со своего места я вижу, как к буфету подходит Дженна Мидвей. Лёгкая, изящная, с идеально уложенными волосами. Зазноба Кассиана. Она что-то покупает, не глядя на цену, и уходит, словно даже не замечая окружающей бедности.

— Ты его знаешь?

Бридж снова касается моего плеча, и я вздрагиваю, выдернутая из наблюдений.

— Кого?

Она не отвечает, лишь поджимает губы и скашивает глаза в сторону. Я поворачиваю голову и замираю.

Рядом с нашим столом, в потоке проходящих студентов, стоит Элиот.

С подносом в руках, но будто не зная, что с ним делать.

Мест нет, а он просто... завис. И смотрит на меня. Не насквозь, а с таким сосредоточенным, изучающим вниманием, будто я редкая руна, значение которой он пытается угадать. Вот же навязчивый тип!

— Эм, это Элиот, — бормочу я Бридж. — Познакомись... утром. Ему, кажется, нужно иногда напоминать, что люди для общения используют речь.

Девочки, закончив есть, встают и уходят, бросив на нашу компанию быстрый, неодобрительный взгляд.

Элиот, не дожидаясь приглашения, беззвучно опускается на освободившийся стул. Неловкость момента его, кажется, не касается вообще.

— Бридж, это Элиот. Элиот — Бридж, — отбарабаниваю я, лишь бы разорвать тягучую тишину.

Надо бы отнестись к этому с холодным безразличием.

Место не куплено, хочешь, садись и ешь. Но...наверху сегодня меня одарили вежливостью.

— Тебе не нравится еда? — его голос глуховат, немного скрипуч, будто механизм, которым редко пользуются.

Вопрос повисает в воздухе, странно громкий, перекрывая даже столовый гул.

Я насильно сглатываю безвкусную кашу. Бридж замирает, ложка застыла на полпути ко рту.

— Всё нормально, — бурчу я, уставившись в тарелку. — Не очень голодна.

Ложь. И он это знает. По едва уловимому, мгновенному сужению его зрачков.

Элиот медленно отодвигает свой нетронутый поднос.

Потом рука исчезает в кармане халата и появляется снова, держа сложенный вчетверо листок бумаги.

Он кладёт его передо мной на стол. Аккуратно по центру.

— Что это?

— Странно, что ты не знаешь, — он тычет вилкой в свою капусту, словно проверяя её на прочность. — Весь двор сегодня обклеили.

Сердце делает резкий, болезненный удар где-то в основании горла. Откладываю ложку. Пальцы, чуть дрогнув, разворачивают бумагу. Печатный текст, официальный шрифт.

«Отборочный тур конкурса «Староста академии «Искони». Испытание: Эрудит».

— Эрудит, — произношу я вслух, и слово царапает горло, как щепка.

Тупых отсеют сразу. Логично. Жестоко. Умно.

Паника, холодная и липкая, начинает ползти из живота.

Альва училась на отлично.

Её память — мой багаж.

Но смогу ли я им воспользоваться?

Смогу ли я быть ею в этот критический момент?

Мне так отчаянно нужен зачёт по строевой подготовке, чёрт возьми, нужен настолько, что утренняя перепалка с Кассианом мгновенно тускнеет, откатывается на десятый

план.

Как я могла поддаться эмоциям?

У меня другая цель.

Сначала — место в Академии.

Потом... потом уже разборки с драконом, превратившим мою жизнь в этот бесконечный кошмар.

— Я могу помочь, — говорит Элиот. Его голос звучит ровно, но зрачок снова подрагивает, как стрелка чувствительного прибора. — Тебе не пройти тур просто так.

— Почему это? — вырывается у меня, резче, чем я планировала.

Столовая заметно пустеет, звенит посудой.

И вдруг Элиот встаёт.

Без объяснений.

Берёт свой нетронутый поднос и направляется к стойке с грязной посудой.

Мы с Бридж переглядываемся.

На её лице — точная копия моего недоумения, смешанного с настороженностью.

Что это вообще было?

Он проходит обратно мимо нашего стола. Не останавливаясь, бросая слова так тихо, что я почти читаю их по губам:

— После четвёртой пары. Библиотека, второй зал. Я расскажу.

И растворяется в дверном проёме.

— Мне всё это очень не нравится, — шепчет Бридж, нерв-

но собирая посуду на поднос. Её глаза полны тревоги.

Я доедаю, почти не чувствуя вкуса. Автоматическими движениями складываю свою посуду поверх её. Бридж, видя мою рассеянность, молча забирает тяжёлый поднос и несёт его.

Спрашивать у неё подробности о конкурсе бесполезно. Она, как и «я», поступила сюда только в этом году.

Значит, выход один. Придётся идти. В библиотеку. На эту странную, подозрительную встречу. Чтобы узнать причину...

Глава 16. Видимость

«Тебе не пройти тур просто так...»

Слова звучат в голове снова и снова, навязчиво и тревожно.

Что он имеет в виду?

И это странное обещание помочь...

В его глазах нет ехидства, только какая-то ледяная, отстранённая серьёзность. Может, я всё усложняю? Может, в этом жёстком мире всё же встречаются люди, которые... просто хотят помочь?

Чёрт! Как сложно заставить себя доверять. Каждый инстинкт кричит о ловушке. Но, может, в его молчании, в этом изучающем взгляде не злоба, а... предостережение?

Четвёртая пара, история боевых кланов драконов, проходит в тягучей, удушливой скуке.

Я всегда ненавидела историю, даже свою, земную.

А здесь сплошная абракадабра из гортанных имён, тысячелетних династий и кровавых междоусобиц, от которых воротит.

Я механически черчу в тетради столбики с датами, но мысли вертятся вокруг слов Элиота.

Скомканный в кармане листок с объявлением о конкурсе. Мой единственный шанс получить зачёт и остаться, там, где хочу. Не той, что заткнули подальше, а человеком, который

имеет свою позицию.

И этот ходячий ребус, этот молчун, который заявляет, что ничего не будет так, как должно.

Звонок обрывает монолог профессора так резко, что я вздрагиваю. Выхожу в коридор, но лёгкое прикосновение к руке останавливает.

— Я... я пойду с тобой, — голос Бридж тихий, но твёрдый.

Она не смотрит мне в глаза, её пальцы слегка дрожат на моём рукаве, но губы сжаты в упрямую ниточку.

Что-то тёплое и колючее одновременно сжимает мне горло.

Она тревожится обо мне. Идёт со мной. Просто потому, что я её подруга. Я не могу вымолвить ни слова, только киваю, и уголки губ сами собой поднимаются в искренней, благодарной улыбке.

Второй зал библиотеки — царство тишины, пыли и старых фолиантов с редкими Воздух пахнет старым пергаментом и магией, давно впитавшейся в стеллажи.

Оглядываюсь: Бридж стоит у стеллажа в первом зале, прижав к груди огромный фолиант. Вверх ногами.

Она ловит мой взгляд, и её глаза широко раскрываются. Я снова улыбаюсь, едва заметно, и киваю: «Всё в порядке». Она отвечает нервной гримасой, притворяясь, что увлечена чтением.

Скрип костылей по каменному полу кажется невероятно

громким. Элиот уже здесь. Он стоит, прислонившись к высокому окну, за которым уже сгущается вечерняя синева, и смотрит в пустоту внутреннего двора. Спина прямая, руки в карманах. Похож на тёмное изваяние, забытое среди книг.

— Ну что, — говорю я, останавливаясь в шаге от него. Пытаюсь расслабить челюсть, сделать голос ровным, без дрожи. — Рассказывай. Что значит «не пройти просто так»? И с чего ты вдруг решил мне помочь?

Он поворачивается медленно, как будто против собственной воли. В свете магических светильников его лицо будто восковое. Жутковато.

— Конкурс на старосту, — начинает он голосом без интонаций, глядя куда-то в пространство над моим плечом, — это не состязание. Это фикция.

— Фикция? — слово выскакивает само, а в животе холодеет и тяжелеет ком.

— Иллюзия выбора. Справедливости. Возможности для таких, как ты. — он делает едва заметный жест рукой, брезгливый, указывающий на мою поношенную форму «бытовика». — Весь этот цирк с отборочными турами... просто спектакль. Сценарий написан, роли расписаны. Осталось только сыграть.

Он замолкает, давая словам повиснуть в тихом воздухе. Где-то хрустит дерево. Оседают под тяжестью книг старый деревянный стеллаж. Из соседнего зала доносится сдержанный шёпот студентов и шорох страниц. А в моих ушах начи-

нает нарастать гул.

— Кассиан выиграет. Он выигрывает всегда, — Элиот произносит это ровно, но я замечаю, как напрягается его челюсть, как вздрагивает жилка на виске. — Не потому, что генерал или непобедимый воин. А потому что он любимец академии. Его обожают. А тех, кто осмелится думать иначе... он стирает в порошок. Без сантиментов.

Мурашки пробегают по спине. Не от страха. От знакомой, едкой ярости, что поднимается из самой глубины. Ну конечно. Как же иначе. Самый популярный пацан получает корону. Логично. Предсказуемо. Мерзко.

— А испытания? «Эрудит»? — вздыхаю я, чувствуя, как сжимаются лёгкие.

— Фильтр, — отрубает он. — Чтобы отсеять самых бесперспективных. Самые жалкие. Тех, кто испортит красивое шоу. Остальных, тех, кто создаст видимость конкуренции, допустят дальше. В финале всегда трое. Кассиан и два других. Обычно — отпрыски сильных кланов. Или... те, кто не представляет угрозы.

Наконец, его взгляд падает на меня. В тусклом свете магических светильников его глаза вспыхивают янтарём.

«Сделает спектакль некрасивым. Отсеивают неподходящих».

В голове щёлкает, как в пазле. Да я же просто ходячее недоразумение для их идеальной картинки! «Бытовичка» с разорванной репутацией и парой костылей. Идеальная ми-

шень для отсева.

— Они... отдадут ему победу в финале? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— В последний момент они снимут свои кандидатуры. Вежливо откажутся. Придумают благовидный предлог. На сцене останется один Кассиан Вейлор. Король без коронации, — он пожимает плечами, жест кажется почти усталым.

Гул в ушах сливается с мерным тиканьем старых часов где-то в глубине зала. Вся эта система, эта отлаженная машина лицемерия.

— Зачем ты мне это говоришь? — мой голос теперь тихий, ровный и насквозь ледяной. — Чтобы я спасла остатки достоинства и не выходила на эту клоунаду? Чтобы сделала ему одолжение?

Элиот резко качает головой.

— Нет. Чтобы ты знала правила игры. Хочешь победить честно? Тебе не дадут такого шанса. Здесь нет честности. Здесь есть сила, влияние и... традиции.

Он снова отворачивается к окну, к наступающим сумеркам. Разговор окончен. Но я не могу остановиться.

— Ладно. А тебе-то что со всего этого? Зачем ты здесь? Зачем всё это рассказываешь?

Он замирает. Спина становится ещё прямее.

— Я прошёл отбор в прошлом году. Даже вышел в тройку финалистов. Был наивен, думал, что ум и упорство что-то значат, — его голос звучит приглушённо, но в нём впер-

вые появляется хриплый отзвук чего-то живого — горечи. — Не знал, как всё устроено. Никто не предупредил. А попал... в мясорубку. Мало того что меня самого размазали по стенке, так ещё и мои родители пострадали. Его отец... он просто чудовище. И если Кассиан не будет безупречен, не будет лучшим во всём, то его отец сметёт с пути любого, кто посмеет бросить тень на их фамилию.

Тишина после его слов кажется особенно гулкой. Но внутри меня что-то переворачивается.

Финал? Победа? Да мне до него как до луны!

Мне нужен только зачёт.

Только этот чёртов отборочный тур.

Если я блесну на «Эрудите» то пройду отборочный тур и получу этот чёртов зачёт.

А дальше... дальше меня, скорее всего, «вежливо» попросят со сцены.

— Спасибо, что предупредил, — говорю я искренне.

Моя ярость немного остывает, уступая место холодному, прагматичному расчёту.

Элиот поворачивается. В его янтарных глазах вспыхивает искра.

— Ты ведь не из тех, кто смиряется, правда? — произносит он не как вопрос, а как констатацию. В уголке его рта играет лёгкая, почти невидимая усмешка. Будто он видит сквозь кожу Альвы, будто знает, что внутри прячется кто-то совсем другой.

Он делает шаг, чтобы пройти мимо.

— У меня свой интерес. И это не месть Кассиану, за то, что он сделал.

Вру. Моментально ловлю я себя на мысли. Конечно, мне было бы безумно приятно стереть его в порошок, посмотреть, как трещит его корона. Но чудес не бывает. Не сейчас.

— Я могу помочь тебе подготовиться к викторине, — вдруг говорит он, уже почти из темноты коридора. Голос немного приглушён. — Она... не очень сложная.

Я оборачиваюсь и ловлю последнее, что вижу перед тем, как он растворяется в тени: он опустил ресницы, а на его бледных щеках явственно проступает лёгкий, смущённый румянец.

Я остаюсь одна у окна. За стеклом — сплошная синева ночи. В отражении мерцает моё собственное бледное лицо. Но на душе — неожиданный, лёгкий подъём. План вырисовывается ясный и чёткий.

Пройти отборочный тур.

Получить зачёт и остаться на артефакторике.

Разработать ногу, избавиться от костылей.

А дальше... дальше видно будет.

А то, что меня выкинут из конкурса? Так, я теперь об этом знаю. И даже смогу изобразить подходящее негодование. Без искреннего разочарования.

Даже слова Кассиана не пугают меня. Подумаешь общая гостиная. Я не задержусь там надолго.

Улыбка медленно расползается по моему лицу. Отлично. Начнём с викторины.

Глава 17. Любопытная

Обычно я не страдаю топографическим кретинизмом, но сегодня именно такой день!

Сначала я вломила не в ту аудиторию.

Ворвалась, понимаете? Как ураган! Запыхавшаяся, с сумкой наперевес, с дикими глазами напрямик на зельеварение к кадетам третьего курса.

Они в смешных фартуках, но с жутко умными лицами слушают профессора...

А тут я. На костылях. С торчащими во все стороны волосами.

Молодой профессор, имя которого я не знаю, вежливо указывает мне на дверь, и я, красная от стыда, шустро переставляя костыли, отправляюсь в аудиторию, которая расположена этажом ниже.

Вот это я махнула!

Я так и без конкурса, зачёт по строевой на костылях сдам, настолько я наловчилась на них ходить. Ещё бы научиться раздавать поджопники кадетам, которые занимают весь коридор своими стайками и мешают пройти.

Они оккупируют коридоры, стоят, болтают, переминаются с ноги на ногу, и пройти невозможно! А если и пройдёшь — обязательно зацепят, толкнут, и ты потомловишь равновесие всей душой и обоими костылями.

К слову, профессор стратегического и тактического планирования моего опоздания даже не заметил. Или заметил, но ему было... всё равно. Совершенно. Абсолютно. И знаете почему?

На его паре сидело от силы ДЕСЯТОК кадетов. С бытового факультета! С целого первого курса!

Но где же всё? Оказывается, спят! Потому что он, ставит автоматом зачёт.

Я перевела это с местного на свой внутренний язык и получилось: «Приходи. Или не приходи. Дыши. Или не дыши. Какая разница».

Ну кадеты и предпочитают дышать во сне. Мудро.

А так как я уже пришла, то сажусь на последний ряд и достаю учебники. Рядом сидящая девушка смачно зевает, и я еле сдерживаю зевок.

Академию «Искони» накрыло.

Туман. Густой, молочный, липкий, как патока. Он обнимал стёкла, прижимался к ним, заглядывал внутрь. Он цеплялся к волосам, обвивал каждую прядь, и на выходе люди делятся на два типа: с задорным афро или сосульками.

Я гордо возглавляю первую категорию.

Полпары, я отчаянно сражаюсь со своими волосами. Пытаюсь скрутить их в пучок, заколоть, прижать, утрамбовать, призвать к совести — бесполезно!

Они, заразы, вырываются, лезут в лицо, в рот, в тетрадь, щекочут нос и живут своей дикой, непокорной жизнью.

Я, наверное, со стороны напоминаю женщину, которая душит осьминога.

А вторую половину пары я героически сражаюсь со сном, при этом умудряясь что-то записывать.

Я вообще удивительная, да.

— Мисс Ренар. — голос с кафедры выдёргивает меня из мыслей. — Я рад, что вы решили посетить моё занятие. Впервые.

Я поджигаю губы. Сильно-сильно до белых полосок. Извиняюсь. Лепечу что-то про то, что впредь обязательно непременно клятвенно обещаю появляться на каждой паре.

Профессор смотрит на меня и усмехается.

А потом говорит. Медленно, веско, чеканя каждое слово: — Нельзя заставить мыслить тактически. А особенно — стратегически. Но если у тебя есть талант — ты выиграешь любую войну.

И всё внутри меня переворачивается.

Я принимаю эти слова не умом. Сердцем. Печёнками. Сами кончиками пальцев. Потому что прямо сейчас, каждый день, каждую минуту — я веду свою войну. Маленькую, злую, отчаянную. За место на факультете. За право остаться. За то, чтобы смотреть в глаза тем, кто хочет меня вышвырнуть, и не отводить взгляд. С обидчиком, который считает себя центром вселенной, и его прихвостнями, которые подхихикивают и думают, что они неуязвимы.

Я выиграю. Обязательно выиграю.

Остальные пары проходят скомканно, как старый пергамент, который жевали, комкали и раскатывали заново. Честно? Половина дисциплин у бытовиков — чистая вода и «дай им Боже, что другим негоже».

Я сидела, смотрела в потолок и представляла: вот Анели спасает раненого генерала на поле боя. Вокруг взрывы, крики, кровь, дым. А она открывает рот и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.